

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.СТРОЧКОВА

© О.О.Петелина

Рассматривается бытование топонимических мотивов в поэтическом творчестве современного поэта Владимира Строчкова на материале пяти книг его стихов: «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов», «Наречия и обстоятельства. 1993-2004», «Буколики плюс», «Пушкин пашет», «Zeitgeist». Задачей исследования является установление конкретных топонимических мотивов в поэтическом творчестве В.Строчкова и определение устойчивости их возникновения на разных этапах поэтического пути В.Строчкова.

Ключевые слова: поэтический текст, В.Строчков, лирический субъект, топоним, мотив.

В поэтических текстах Владимира Строчкова – в книгах, представляющих различные этапы его поэтического пути: «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов» (1994), «Наречия и обстоятельства» (2006), «Буколики плюс» (2010), «Пушкин пашет» (2010), «Zeitgeist» (2012) – возникает достаточно широкий ряд топонимов, связанных как с пространством России, так и Запада.

В дебютной книге стихов В.Строчкова «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов» возникают топонимы Крым и Москва. Крымские мотивы звучат в стихотворениях «Камни да галька, да кой-где песок...» (1984), «Здоровый скепсис (опыт раздвоения личности)» (1984), «Ну, конечно, не маслом же Крым рисовать...» (1984), «Нехитрый ночной разговор...» (1984), «На Шишманке покой и пустота...» (1984), «Пал туман в Крым...» (1985), «Лисица» (1986), «Если мерить от края Лисей бухты...» (1991), «Из недошедшего» (1992). В стихотворениях, датированных 1984 годом, лирический субъект восхищается красотой, первозданностью природы Крыма, дарящей душе любованию и восторг, ощущение покоя и безмятежности, контрастирующие с брэнностью «материкового» мира, полного суеты и раздора. В стихотворении «Пал туман в Крым», датированном 1985 годом, крымские мотивы возникают в связи с темой спасения, исцеления лирического субъекта; в более поздних стихотворениях (1986, 1991, 1992) – в связи с темой любви.

Топонимы Крым и Москва оказываются взаимосвязанными и противопоставленными. Если Крым – это «край небывалый», воплощение жизни души лирического субъекта, то Москва несет в себе черты серого скучного существования. Москва предстает перед читателем «прокисшей», «холоднодымной». Возвращение из Крыма в Москву осознается лирическим субъектом как явление, исполненное печали, сходное с гибелью. Московские мотивы звучат в стихотворени-

ях «Уже потом, когда на сгибе...» (1984), «Там, в Москве холоднодымной...» (1984), «В полубыту, в полуяву...» (1985). Возникновение топонимов Крым и Москва представляется достаточно устойчивым в поэтическом сборнике «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов» [1].

В книге стихов «Наречия и обстоятельства», стихотворении «То, се, пятое-десятое...» (1999), топоним Москва также возникает в связи с темой возвращения – вынужденного, преисполненного тоски: «„Выходи с вещами! / В Москву! В Москву!“ Срок измерен, учтен и отмотан, как рулон пипифакса. / Мхатовская птичка сулит тоску, / бродя по песку возле самой фаски» [2: 114]. Крымские мотивы появляются в книге стихов «Наречия и обстоятельства» в стихотворениях «На переломе» (2003), «Окружающий мир под взглядом обретает контраст...» (1996). Крым уже не предстает перед читателем красочным солнечным краем, перемена погоды вынуждает лирического субъекта к отъезду, Крым осознается лирическим субъектом как нечто присвоенное, обретенное им, несуществующее вне его восприятия: «Объективно все это значит „пора линять“. / Это будет лучше для всех. Без догляда / отможенный Крым, не имея куда девать / атрибуты, присвоенные чувственным схватыванием, вне меня / потеряет резкость, контраст, различимость числа и ряда / и как минимум на год перестанет существовать» [2: 321].

Вместе с тем в книге стихов «Наречия и обстоятельства» среди топонимических мотивов начинают преобладать римские, итальянские. В некоторой степени это обусловлено пребыванием В.Строчкова, являющегося стипендиатом Фонда памяти И.Бродского (2000) и Лигурийского центра искусств и гуманитарных наук (2001), в Италии. В 2000-2001 гг. В.Строчков посещал Рим и Больяско. На бытование итальянского текста в русской литературе, в частности творчестве В.Строчкова, указывают несколько источников:

монография С.Л.Константиновой «„Итальянский текст“ русской литературы XIX-XX вв.» (2005) [3], статья Лили Панн «Итальянский путь» (2011) [4], статья Клаудии Скандуры «Рим лежит где-то в России: современные русские поэты о Риме» (2011) [5].

Итальянский текст в творчестве В.Строчкова оказывается сопряжен с философско-символическими и обобщенно-мировоззренческими мотивами – времени, жизни, любви, дружбы, смерти, вечности, памяти. Стихотворение «Il tempo a Roma passa incredibilmente presto»¹ (2000) представляет собой своеобразное признание в любви лирического субъекта Риму – вечному городу, «прекрасному памятнику смерти». Все величие, монументальность Рима осознается как торжество смерти над скоротечностью человеческой жизни, и не только человеческой, но и жизнью целых эпох, быстротечностью времени и любви. Мотив вечности оказывается сопряжен с мотивом смерти, мотив жизни – с мотивами времени и любви. Вечность – это застывшее время, мертвый слепок прекрасной жизни, полной суеты, «неисчислимых chiese² и несчетных palazzi, caffè e pizzeria³, сувенирных и книжных лавок, monumenti storici⁴». «Так что помни о смерти. Но думай только о жизни» [2: 217], – говорит лирическому субъекту Рим. И лирический субъект выражает признательность вечному городу за подобное откровение: «И вся жизнь наша – только любовь со смертью. / Где ж еще и понять это, как не в Риме, / Вечном Городе торжествующей смерти» [2: 217]. Рим предстает перед читателем прекрасным и ужасным одновременно, воплощением смерти и любви.

Разговор о вечном сменяется, как сначала может показаться, в стихотворении «В Риме как в Греции: все есть...» (2000), разговором о безделушках – вещах, входящих в собрание самой большой барахолки в Риме, приютившей акульи челюсти разных размеров, бюсты и бюстики античных полководцев, календари 1950-60-х гг., очки, зажигалки, монеты, открытки... Однако все эти вещи оказываются элементами вечности, символами эпох, героических и не очень, но так или иначе ставших историей. Барахолка же оказывается пространством, вместившим в себя людей разных национальностей: итальянку и украинку, араба, индонезийца и вьетнамцев. Рынок представляется центром не только Рима, но и мира, говорящего на разных языках, но плотно

сосуществующего. В связи с мотивом «Рим – мир» снова возникает мотив жизни – суетной, смешной, но стоящей того, чтобы жить.

В стихотворении «Коктейль „Большаско“» (2000) мотив мира вновь возникает в итальянском контексте. На итальянской земле, в Большаско, лирический субъект впитывает латынь и вместе с ней открытость к другим наречиям, подобно молоку, которым римской волчицей были вскормлены Ромул и Рем. Рим, Италия в творчестве В.Строчкова осознаются как пространство, олицетворяющее единство, родство языков, народов, – «цеплячий Вавилон, пробивший скорлупу» [2: 433].

Стихотворение «Узелок на память» (2001) имеет посвящение, адресованное другу В.Строчкова, венгру Дьёрдю Рети. В данном стихотворении в связи с мотивами времени и смерти появляются мотивы памяти и дружбы: «Узелковым письмом завяжи у себя на уме, / заплети, как веревку, крученую временем память, / как текло questo tempo⁵ – погода и время – per me / a per te, buon`amico⁶, как сладко в него было падать» [2: 222]. Наказ другу запоминать увиденное, испытанное и прочувствованное звучит как сообщение о единственной возможности запечатлеть, не остановить, но оставить себе время – дни, часы и недели «infra mare e cielo»⁷ [2: 222], «questa bella Bogliasco, quest`anno»⁸ [2: 223]. Требование продлить время и недовольство тем, что дни утекают сквозь пальцы, высказаны автором в стихотворении «Piu Giorni!» кампании «Granarolo», представляющей молочную торговую марку «Piu Giorni», название которой дословно переводится с итальянского как «больше дней»: «Я мечтал / доверившись рекламе, как болван, / что обрету Piu Giorni как отрезки / не молока, а времени, кристалл / магический, молочный артефакт, / опалово мерцающий в ладони, / che dona veramente⁹ больше дней» [2: 227].

Мотив России, являющейся родиной лирического субъекта, начинает звучать в стихотворении «Ворчливая ностальгиана (тристефлексии, почти дневник)» (сентябрь-октябрь 2001 г., Большаско-Милан) в связи с переменой состояния героя, обитающего на чужбине – появлением ощущения пресыщенности, наступлением творческого кризиса, осмыслением того расстояния, которое отделяет две родственные культуры, два близких языка, и признанием косности, изна-

¹ Время в Риме проходит невероятно быстро (итал.).

² Церкви (итал.).

³ Дворцы, кафе и пиццерии (итал.).

⁴ Исторические памятники (итал.).

⁵ Это время, эта погода (итал.).

⁶ Для меня и для тебя, добрый друг (итал.).

⁷ Между морем и небом (итал.).

⁸ Этот прекрасный Большаско, этот год (итал.).

⁹ Который действительно дарит (итал.).

чальной безжизненности перевода с одного языка на другой. Возникает мотив одиночества, обособленности народностей, «носителей культуры „Вавилон“» [2: 440]. Пребывая в контексте западной культуры и цивилизации, лирический субъект протестует против постмодерна, поэзии, идущей на убыль, принимающей в качестве строительного материала утильсырье – ярлыки, лейблы, этикетки, а также против смерти автора, что «страшнее суицида».

В поэтическом сборнике «Буколики плюс» (2010) ряд различных топонимических мотивов возникает в связи с темой отсутствия у героя места, достойного того, чтобы не только увидеть и умереть, но увидеть и жить. Данная тема и сопутствующий ей ряд топонимов развиваются в стихотворении «Каракас мне не искрит, но Кострома поближе...»: «Был на Урале, Байкале, в Крыму, / излезил пол-Сахалина, / в общем, выходит довольно много, если сложить, / список где умереть оказался довольно длинным, / но места в нем нету месту, где б увидеть и жить» [6: 3]. При этом топоним Москва, как и в книгах «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов», «Наречия и обстоятельства», существует как место вечного возвращения героя: «Я побывал под водой в Хургаде, / живал в Ленинграде, / в Санкт-Петербурге реже, но чаще в тоске. / Можно построить где был города как на параде / и постоянно бывал умереть, уснуть / и проснуться в слезах в Москве» [6: 3]. В этой же книге стихов топоним Москва появляется еще раз в стихотворении «Понемногу за лесом стоять начала Москва» также в связи с темой возвращения, представляющегося вынужденным.

Книга стихов «Буколики плюс» включает в себя избранные стихотворения, написанные В.Строчковым летом 2010 года в деревне Верхнее Ступино Костромской области. В стихотворениях, вошедших в этот сборник, устойчиво появляется мотив деревни – заброшенного пространства, одновременно мертвого и живого, заброшенного людьми и, как следствие, целиком оказавшегося во власти природы. Появляются топонимы Угора, Мантурово, Кострома, Унжа, Пузовка. Лирический герой отмечает, что «здесь русский дух финно-угорским пахнет» [6: 4]. Мысль о неустойчивости, хрупкости всего человеческого звучит в стихотворении «Когда-то здесь была негромкая деревня...»: «на кладбище в версте белеются их лица / стирают имена на крестиках года / а здесь живут уж сюда приходят лисы / да протопочет дождь прохожий иногда» [6: 3]. В стихотворении «Ничего никому никогда никуда говорят...» [6: 4] в связи с заброшенностью места звучит мотив абсолютного забвения.

Мотив долгожданного одиночества, тишины, покоя, воли как пространства, в котором лирический герой ощущает себя свободным, звучит в стихотворениях, включенных в сборник «Буколики плюс», «Здесь» и «Понемногу за лесом стоять начала Москва»: «Здесь счастья нет, но есть покой и воля, / и можно сутки шастать без штанов, / но надо приносить еду и воду / и выносить ведро и комаров» [6: 5]; «Здесь, осев в просевшей избе, / вместе с ней останутся стыннуть покой и воля, / тишина одиночества станет висеть на гвозде, / дожидаясь меня и стараясь привыкнуть к роли / позабытой вещи, любимой ветоши дней, / где она, укутав, меня так уютно грела... / С каждым днем пунктир становится все ясней, / а душа все сильнее оторваться хочет от тела» [6: 31]. В стихотворении «Понемногу за лесом стоять начала Москва» пространство Москвы явно контрастирует с пространством деревни: оно наполнено слишком большим количеством звуков, чтобы человек мог услышать себя.

В стихотворении «Выдохи воздуха влетают, как из парной...» деревня приобретает черты места, не существующего в реальности, олицетворяющего вечность, в которой существование человека может быть очень проблематично: «время тоже стоит здесь сплошной глухой травой, / разве еле колышась и, хоть ты конный будь, / накрывая полностью, с головою, / не давая вдохнуть, / а пространство над ним заполняет горячий пар, / так что вынырнув, схватишь ртом тепловой удар / вместо воздуха. Как дайвер дыши словами...» [6: 6]. Погружение в пространство мертвой деревни, воплощающей вечность, даже для поэта оказывается смертельным: «Автор этой записки был найден мертвым в избе / под грудой стихов. Стихи валялись везде, / устилая пол на манер углекислого газа. / Его баллоны были пусты. На их резьбе / обнаружены следы зубов, еле заметны глазу...» [6: 6].

В книге стихов «Пушкин пашет», в частности в стихотворении «Это место в оградах из сплюснутых ржавых пружин...», написанном в 2005 г. в Красково («дачном» пространстве Подмосковья, популярном на рубеже XIX-XX веков среди писателей, журналистов; так, в книге Владимира Гиляровского «Москва и москвичи» находим повествование автора о своем пребывании в Красково, посещении его там А.П.Чеховым), также возникает образ полосы отчуждения, заброшенного пространства, так близко граничащего с пространством «всёжежизни», и так одновременно далекого от него. Из этого пространства забвения, полного «сонного дурмана лиан», возникает образ Родины лирического субъекта, находящейся как будто в забвении, – «страны, потерявшей сознание отчизны» [7: 7].

В книге стихов «Zeitgeist» (2012), включающей в себя стихотворения, написанные В.Строчковым в 2010-2011 годах, в стихотворении «Дума про партизана Мазая» возникает целый спектр топонимов: Волга, Кострома, Унжа, Ветлуга, Водокша, Кухтома, Печуга, Мизюга, Шелекша, Лёкша, Лисьменга, Сорож, Муравьище и многие другие. В рассматриваемом стихотворении появление топонимических мотивов связано с необъятными просторами Родины лирического субъекта, так называемой «глубинки» и обитающего в ней русского героя «деда Мазая Сусанина» [8: 8, 9] – защитника своей земли, воплотившегося в пространстве стихотворения в образах, являющихся знаковыми для культуры и истории России: образах деда Мазая, Ивана Сусанина, русского Вани, Ивана. Вновь топонимические мотивы оказываются сопряжены с мотивами гражданскими: «ой вы, Шелекша да Лёкша, / Лисьменга, Войманга, / Сельма, Мотьма да Подокша, / Конногорь, Ясанга, / Лынгерь, Шугома, Серахта, / костромские реки! / Где Мазай Сусанин вахту / нес-держал веки?» [8: 7].

Таким образом, топонимические мотивы проявляются в творчестве В.Строчкова в пространстве таких книг стихов, как «Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов» (1994), «Наречия и обстоятельства» (2006), «Буколики плюс» (2010), «Пушкин пашет» (2010), «Zeitgeist» (2012). Топоним Москва устойчиво проявляется в стихотворениях разных лет, топоним Крым представлен в первых двух поэтических сборниках: в «Глаголах несовершенного времени» и «Наречиях и обстоятельствах». Тем не менее в «Наречиях и обстоятель-

ствах» явно преобладают «итальянский текст» и топонимы, представляющие Италию. В более поздних стихотворениях В.Строчкова появляется образ заброшенной деревни, необъятной в своем пространстве родины лирического субъекта – России, и в связи с этим также возникает ряд различных топонимов. Топонимические мотивы оказываются сопряжены в творчестве В.Строчкова с философско-символическими, обобщенно-мировоззренческими и гражданскими мотивами.

1. *Строчков В.* Глаголы несовершенного времени. Избранные стихотворения 1981-1992 годов. – М.: Диас, 1994. – 416 с.
2. *Строчков В.* Наречия и обстоятельства. 1993-2004. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 496 с.
3. *Константинова С.Л.* «Итальянский текст» русской литературы XIX-XX вв. – Псков: ПГПУ, 2005. – 160 с.
4. *Панн Л.* Итальянский путь // Новый мир. – 2011. – № 8. – С. 176 – 180.
5. *Скандура К.* Рим лежит где-то в России: современные русские поэты о Риме // Образы Италии в русской словесности: По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия», Томск – Новосибирск, 1-7 июня 2009 / О.Б.Лебедева, Т.И.Печерская. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 664 с.
6. *Строчков В.* Буколики плюс. – Таганрог: НЮАНС, 2010. – 32 с.
7. *Строчков В.* Пушкин пашет. – Таганрог: НЮАНС, 2010. – 32 с.
8. *Строчков В.* Zeitgeist. – Таганрог: НЮАНС, 2012. – 32 с.

TOPONYMIC MOTIFS IN V.STROCHKOV'S OEUVRE

O.O.Petelina

The paper presents toponymic motifs in the poetic oeuvre of the contemporary poet Vladimir Strochkov, based on his poems: “Verbs of Imperfective Tense. Selected poems of 1981–1992”, “Adverbs and Circumstances. 1993-2004”, “Bucolics Plus”, “Pushkin Plows”, and “Zeitgeist”. The analysis aims to determine specific toponymic motifs in the poetic works of V.Strochkov and discover stability of their appearance at various stages of V.Strochkov’s poetic path.

Key words: poetic text, V.Strochkov, lyrical subject, toponym, motif.

1. *Strochkov V.* Glagoly nesovershennogo vremeni. Izbrannye stixotvoreniya 1981-1992 godov. – M.: Dias, 1994. – 416 s. (in Russian)
2. *Strochkov V.* Narechiya i obstoyatel'stva. 1993-2004. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. – 496 s. (in Russian)
3. *Konstantinova S.L.* «Ital'yanskij tekst» russkoj literatury XIX-XX vv. – Pskov: PGPU, 2005. – 160 s. (in Russian)
4. *Pann L.* Ital'yanskij put' // Novyj mir. – 2011. – № 8. – S. 176 – 180. (in Russian)
5. *Skandura K.* Rim lezhit gde-to v Rossii: sovremennye russkie poe'ty o Rime // Obrazy Italii v russkoj slovesnosti: Po itogam Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj

- konferencii Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo centra «Russia – Italia» – «Rossiya – Italiya», Tomsk – Novosibirsk, 1-7 iyunya 2009 / O.B.Lebedeva, T.I.Pecherskaya. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011. – 664 s. (in Russian)
6. *Strochkov V.* Bukoliki plyus. – Taganrog: NYuANS, 2010. – 32 s. (in Russian)
7. *Strochkov V.* Pushkin pashet. – Taganrog: NYuANS, 2010. – 32 s. (in Russian)
8. *Strochkov V.* Zeitgeist. – Taganrog: NYuANS, 2012. – 32 s. (in Russian)

* * * * *

Петелина Ольга Олеговна – аспирант кафедры новейшей русской литературы и фольклора филологического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И.Лобачевского.

603950, Россия, Нижний Новгород, пр.Гагарина, 23.
E-mail: graol@bk.ru

Petelina Olga Olegovna – graduate student of the Department of Modern Russian Literature and Folklore, Philological Faculty, Nizhny Novgorod State University named after N.I.Lobachevsky.

23 Gagarin Str., Nizhnyi Novgorod, 603950, Russia
E-mail: graol@bk.ru

Поступила в редакцию 12.05.2015